

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 47 (213)

11

ОКТАБРЯ 1934 г.

Цена 20 коп.

С О В Е Т С К О Е И С К У С С Т В О

ОРГАН НАРКОМПРОСА РСФСР

ОКОЛО ЧЕХОВА

„ДУЭЛЬ“ В ФИЛИАЛЕ ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСДРАМЫ

Филиал Ленинградской госдрамы показал свою первую работу в новом сезоне — чеховский спектакль. На этот раз зритель увидит на сцене не одну из общественных пьес Чехова, а сценическую переработку его известной повести «Дуэль».

Автор инсценировки Н. Бромлей чрезвычайно кропотливо, добросовестно и тщательно выписала почти все без исключения диалоги повести «Дуэль», отказавшись от традиционного для наших инсценировок чтеца.

Однако пьесы от этого все же не получилось и прежде всего потому, что в пьесе (как отчасти и в повести) нет событий, нет действия за исключением, пожалуй, одной сцены во всем спектакле — ссоры фон-Корна с Лаевским. Интересно, что сам Чехов

считал «Дуэль» слабой в отношении сюжета вещь. В письме к А. Суворину по поводу работы над «Дуэлью» он писал: «Повесть моя подвигается вперед. Все гладко, ровно, длиннот почти нет, но знаете, что очень скверно? В моей повести почти нет движения, и это меня пугает».

Отсутствие «движения», т. е. действия, — значительный порок спектакля...

Интеллигент, фразер, лентяй и картежник, человек, «искаженный цивилизацией», не находящий себе практического применения в жизни, — таков Иван Лаевский — герой «Дуэли». В спектакле филиала Госдрамы этот человек трепетно произносит мучительные тирады о собственной обреченности, поминутно в чем-то кается, кусает ногти и нервно курит, то и дело перекладывает из кармана в карман носовой платок, — одним словом, использует все мелодраматические средства и жесты для того, чтобы яснее, обнаженнее представить самого себя. В такой «подаче» Лаевского менее всего повинен, пожалуй, талантливый актер Н. Симонов. То, что он делает, он делает очень хорошо.

Менее всего уместно относиться к Чехову исторически. Задача советского режиссера — осовременить его образы, оценить его героев с нашей точки зрения. А с этой-то точки зрения Лаевский и другие персонажи «Дуэли» должны вызвать у советского зрителя чувство презрения, а может быть, и ненависти. Чеховские герои должны быть осмеяны и разоблачены.

В спектакле же этого нет. Лаевского жаль. Доктор Самойленко (в мастерском исполнении арт. Жуковского)

вызывает у зрителя симпатии. Так же симпатично выглядит глупый дьякон. На большинство персонажей этого спектакля приятно и беззлобно смотреть.

Рисунок каждого образа примитивен и прост. Он дан и ясен с самого начала, и в нем — увы, — нет подлинно чеховской глубины, нет намека на современную жизненность.

Вот замечательно симпатичный человек-олух, добряк, своеобразный гуманист и «русский врач» Самойленко. Вот Надежда Федоровна (засл. арт. Н. Бромлей) — женщина, потерявшая всякую способность управлять собственной волей. Вот обязательный и навязный дьякон (арт. Адашевский), рассуждающий об архиепископах, о боге, перемежающий молитву со сладкой мечтой о пышках со сметаной. Вот, наконец, фон-Корн (арт. Азанчевский) — зоолог и социолог, что одно и то же, как выражается он о себе, — практический и здравомыслящий человек, идущий на смену «лишним людям», ненавидящий Лаевского с предельной силой своего рассудка.

Повторяем: персонажи Чехова только присутствуют в этом спектакле. Они разговаривают на сцене и даже волнуются. Они купаются в Черном море, пьют вино, устраивают пикники, играют в карты и сплетничают. Но ими никто не управляет, в них, как и во всем спектакле, нет внутреннего трепета, нет связующих звеньев, нет, конечно, и настоящих страстей и социальной значимости. В спектакле в сущности нет даже тем, потому что внезапное перерождение Лаевского в последней картине звучит совершенно необудительно и ничто, кроме недоверия, у зрителя не вызывает.

Высокопрофессиональное мастерство актерского коллектива, острые диалоги, ряд талантливо и тонко сделанных мизансцен, эффектное изображение штора на море в последней картине и многое другое не спасают спектакль.

Вывод может быть сделан один: подлинный чеховский спектакль еще не сыгран александрийцами. «Дуэль» — это в лучшем случае лабораторная работа. Быть может, это разбег к тому, чтобы одна из классических чеховских пьес взволнованно и современно зазвучала на сцене Ленинградской госдрамы. Тем более, что все возможности и данные для этого александрийцы имеют.

ДМ. ЛЕВИН